

ОКАЯННЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

А.М. ВАСИЛЬЕВ

Академик РАН

Все, что здорово и жизнеспособно в политической и гражданской жизни каждой страны, должно быть тщательно оберегаемо... и никакая, вызванная требованием времени, реформа не должна приводить к внезапному разрыву между прошлым и настоящим, а должна быть произведена постепенно, чтобы стать понятной народу и не носить характер опасного эксперимента.

Министр иностранных дел
Российской империи (1910-1916 гг.)
С.Д.Сазонов

Распад СССР означал крупнейшую геополитическую катастрофу второй половины XX в. На месте прежней сверхдержавы появились Россия и 14 новых государств. Об этом написаны тысячи книг. Объяснение причин этой катастрофы, ее хода и деталей лежит вне рамок данной статьи.

Отметим лишь, что, с точки зрения автора, Россия и была Советским Союзом, то есть возглавляла федерацию зависимых от нее стран - советских республик. Ее административные границы стали международными (что породило нерешенные до настоящего времени проблемы), а сама Россия оказалась в границах XVII в. и вступила в полосу экономического, социального, военного, демографического упадка.

Игнорировать воздействие этой внутренней ситуации на внешнюю политику России, в целом, и на ее политику на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, в частности, просто невозможно.

Свидетельствует **Е.М.Примаков***, который обычно давал взвешенные оценки событий и не поддерживал некоторые резкие оценки автора:

«90-е годы были провальными для России. Это ясно совершенно. За 90-е годы мы потеряли

больше в экономическом и научном плане, чем во время Второй мировой войны. В 90-е годы у нас родились олигархические структуры. Нужно было отказаться от всего, что было плохо в советский период, и взять всё лучшее, что было в советский период, и объединить эти два момента. А мы старое разрушили до основания.

В то время Ближний Восток вообще оказался вне зоны наших интересов. Самыми главными были отношения с США. Было ясно, что Ближний Восток не мог привлекать особое внимание России. С одной стороны, там не было холодной войны, а с другой, - в России не было стабильности, и у власти находились те, которые не считали, что Россия должна быть великой державой»¹.

ИНТЕРЕСЫ НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНТЕРЕСЫ НОВОЙ ЭЛИТЫ

Внутри страны разрозненные и неоформленные политические силы взяли курс на восстановление капитализма (рыночная экономика, демократические и политические системы и свободы, западноевропейские и американские моральные ценности) и на полное разрушение советского наследия. Задачи внешней политики состояли во вхождении в западные структуры - экономические, финансовые, политические (многие говорили - военные) в качестве их составной, но самостоятельной части. В употреблении остались прекраснорусские горбачевские заявления об «об-

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 14-18-03615 - «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: возможности и пределы сотрудничества со странами региона».

* Примаков Евгений Максимович (1929-2015). Советский и российский политический и государственный деятель, председатель Правительства Российской Федерации (1998-1999), министр иностранных дел РФ (1996-1998), руководитель Центральной службы разведки СССР (1991), директор Службы внешней разведки России (1991-1996), председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1989-1990). Экономист, востоковед-арабист. Академик АН СССР.

щечеловеческих ценностях» и «новом политическом мышлении». Американские и европейские политики, электронные и печатные СМИ Запада твердили о том, что в холодной войне якобы не было победителей, а был побежден только «тоталитаризм». Это тиражировалось российскими СМИ и ласкало слух дезориентированных масс и складывающейся новой политической элиты, особенно ее прозападной части.

Но надежды обернулись разочарованием. Лидеры стран Запада и их политические, финансовые и другие элиты просто не собирались принимать Россию в качестве составной части в свой мир.

Россия, казалось, погружалась в дальнейший хаос и слабела. В то же время США давали четверть мирового ВВП, на них приходилась половина мировых военных расходов.

Неприспособленная ни к конкуренции, ни к жестким нравам свободного рынка Россия оказалась бессильной перед натиском Запада. Коррупцированная сверху донизу, она была отдана на разграбление и своим нуворишам, и их западным партнерам. За четверть века за рубежом с помощью черных, серых и легальных схем было перекачано от \$1 до \$2 трлн, что можно считать контрибуцией, выплаченной страной за поражение в холодной войне. Рухнуло большинство передовых отраслей промышленности, страна стала сырьевым, нефтегазовым придатком мировой экономики.

На грани гибели оказался ВПК. Надломились, хотя частично и устояли, научные исследования. Армия слабела, морально разлагалась. Лишь ракетно-ядерный комплекс сохранил свою боеспособность.

В условиях эйфории от неожиданной и полной победы западные лидеры просто решили брать все, что плохо лежит, не задумываясь о том, что для стабильности нового мироустройства в стратегическом плане с Россией требовалось партнерство, учитывающее взаимные интересы безопасности. Министр иностр-

анных дел Франции Ю.Ведрин писал: «Считая себя победителем в Третей мировой, то есть холодной войне, Запад уверовал в беспредельность своих возможностей, и, опираясь на технологическое превосходство, не видит причин, которые помешали бы ему повсеместно навязывать свои взгляды»².

В самом деле, зачем считаться со слабеющей Россией?

Автор данной статьи назвал ее «Окаянные девяностые», используя заголовок «Окаянные дни» знаменитой книги Ивана Бунина времен революции и гражданской войны. Но слова эти намеренно провокационны. Сравнительно скоро, еще до начала внутренней стабилизации страны, до начала ее экономического развития, до поворота к укреплению обороноспособности Россия «вдруг» перестала во всем «соглашаться с США». Даже на Ближнем и Среднем Востоке, про которые Москва как будто бы забыла...

Вот что говорил в интервью автору статьи **И.С.Иванов***:

«Великая держава была охвачена глубочайшей внутренней трансформацией. Речь шла о всеобщем кризисе и хаотичности перемен. Это не могло не отразиться на внешнеполитическом курсе. Практически в одночасье Россия оказалась в совершенно новой геополитической обстановке. Как и все российское общество, наша внешняя политика должна была пройти через период «революционной эйфории», переболеть некоторыми «детскими болезнями».

Автор: Но оставались традиции тысячелетнего государства. Оставались национальные интересы.

И.С.Иванов: В общественном сознании тогда царила эйфория надежд на перемены к лучшему...

* Иванов Игорь Сергеевич (род. 23 сентября 1945 г.) - российский государственный деятель, дипломат. Президент Российского совета по международным делам с 2011 г. Министр иностранных дел России (1998-2004); секретарь Совета Безопасности России (2004-2007). Герой России (1999), Чрезвычайный и Полномочный посол (1989). Член-корреспондент РАН.

Автор: Все это создавалось и подогревалось СМИ под примитивным лозунгом «Запад нам поможет».

И.С.Иванов: Не только СМИ. В начале девяностых многим казалось, что Запад из «врага» уже превратился в «друга». Поэтому стоило лишь сменить политические ориентиры, как проблемы начнут решаться сами собой. Надеялись, что в экономике резкая либерализация цен и включение рыночных механизмов сразу улучшат ситуацию, создадут положительную динамику развития, а сближение с западными странами мобилизует массивную экономическую поддержку.

Автор: Я помню, что Егор Гайдар, придя в «Правду» заведующим экономическим отделом, еще в 80-е гг. заявил: «Мы должны закрыть глаза и броситься в рыночную экономику». Вот и бросились.

И.С.Иванов: Да, эти завышенные ожидания отразились даже во внешнеполитической концепции России, принятой в 1993 г. В начале 90-х гг. действительно была сделана ставка на ускоренную интеграцию России в евроатлантические структуры. Говорили об установлении «союзнических» отношений с Западом. Но к этому ни Россия, ни сами западные страны готовы не были. Мы и они по-разному понимали смысл «союзнических отношений». Многие в США, да и в некоторых странах Западной Европы пребывали в упоении победой в холодной войне. В новой России они не видели равноправного союзника. В лучшем случае, она должна была играть роль младшего партнера. Любое же проявление самостоятельности тут же объявлялось «рецидивом» советской «имперской» политики.

Автор: Военная структура НАТО продвигалась к российским границам. Новый министр иностранных дел России А.Козырев против этого не возражал и был готов следовать за курсом Вашингтона. Было очевидно, что он лишь отражал взгляды самого Б.Ельцина. Устные обещания западных лидеров М.Горбачеву не

продвигать НАТО на восток были забыты. Процессы, направленные на дальнейшее расчленение России, поощрялись Западом. Можно было приветствовать и расстрел президентом Б.Ельциным собственного парламента, а затем и откровенно сфальсифицированные выборы.

И.С.Иванов: Я бы возражал против категорических оценок. Но, конечно, продвижение НАТО к границам России столь явно игнорировало российские национальные интересы, что отрезвило многих. Российская дипломатия достаточно быстро извлекла из него надлежащие уроки. Период явного «прозападного» крена во внешней политике нашей страны носил непродолжительный и поверхностный характер.

Автор: А вы смогли бы сформулировать понятие «национальные интересы»?

И.С.Иванов: В те годы это была тема оживленных, порой ожесточенных дискуссий. Ведь от ответа на этот вопрос зависело наше поведение в мире. Психология «сверхдержавы» была неприемлема. Непомерное перенапряжение внутренних ресурсов надломило Советский Союз. Здравый смысл подсказывал, что внешняя политика была призвана «обслуживать» жизненно важные интересы внутреннего развития. Национальные интересы требовали обеспечения надежной безопасности, создания максимально благоприятных условий для устойчивого экономического развития, повышения жизненного уровня населения, укрепления единства и целостности страны, основ ее конституционного порядка, консолидации гражданского общества, защиты прав граждан и соотечественников за рубежом»³.

...Автор не стал в ходе беседы комментировать оценки уважаемого государственного деятеля и бывшего главы российского внешнеполитического ведомства. Но замечу: эти прекрасные и верные слова, под которыми автор сам готов подписаться, сталкивались с эгоизмом и даже хищничеством новой элиты, заинтересованной только в защите и продви-

жении собственных интересов. Элита игнорировала эти важные и нужные задачи, касающиеся страны и общества в целом.

ЭПОХА И ЛЮДИ

Политика, в том числе и международная, осуществляется живыми людьми - они свидетели времени, участники и очевидцы событий. Предоставим слово человеку, который давал оценки дипломатии в советский период, а в постгорбачевское время был послом в Кувейте, Турции, Израиле.

Интервью автору статьи⁴ дает **А.В.Стегний***:

«В первые дни после путча 1991 г. к нам пришли Бурбулис с Козыревым, министром иностранных дел. Бурбулис выступил в нашем актовом зале и сказал, что наступает новый период в работе российской дипломатии. Во-первых, новой России будет нужен каждый десятый из нынешнего состава МИД, а, во-вторых, все надо делать по-новому, на основе пяти «Д»: «доброта, добропорядочность...» и что-то еще в том же духе.

Мы опешили. Было видно, что он не знает, о чем говорит.

Была еще озвучена задача - развернуть обе головы российского орла в одном направлении, строго на запад.

Потом нас спросили, хочет ли кто-нибудь высказаться. Поднимается рука. Это был наш тогдашний начальник департамента кадров Александр Авдеев**.

Он сказал: «В этом зале мы ви-

* Стегний Петр Владимирович (род. 14 января 1945 г.) - советский, российский дипломат, историк, писатель. Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Кувейте, директор Историко-документального департамента МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Турции, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Израиле.

** Авдеев Александр Алексеевич (род. 8 сентября 1946 г.) - 1987-1990 гг. - посол СССР в Люксембурге; 1991-1992 гг. - замминистра внешних сношений СССР; 1992-1996 гг. - посол России в Болгарии; с 1996 г. - заместитель, с октября 1998 по 2002 гг. - первый заместитель министра иностранных дел России; 2002-2008 гг. - посол во Франции; 2008-2012 гг. - министр культуры Российской Федерации. С 2013 г. - Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Ватикане.

дели многих выдающихся деятелей XX века, но ни один из них не позволял себе прийти в МИД неподготовленным. Здесь сидят профессионалы высочайшего уровня, и они боролись не за коммунистические идеалы, а за интересы своей страны».

Бурбулис покрылся красными пятнами, встречу быстро свернули. Это был гражданский поступок, и мы все это помним.

Автор: Как вы в МИДе, в целом, восприняли перестройку и постгорбачевский период?

П.В.Стегний: Большинство дипломатов, особенно младшего и среднего звена, были горячими сторонниками горбачевской перестройки. Хотя ограниченность его словарного запаса и ставропольский говорок смущали, но идеи были свежие. Глава страны, который говорил без бумажки, казался пришельцем с другой планеты... Мы были внутренне согласны, что демократия как лучшая на данный момент организация общества - наиболее приемлемый вариант общего будущего, который позволяет избегать конфликтов, создает некую гармонию интересов, насколько это возможно. Но вскоре выяснилось, что в реальной политике по-прежнему преобладают индивидуальные и групповые интересы.

Автор: В чем был лейтмотив девяностых?

П.В.Стегний: Девяностые являли собой сложный, извилистый путь, но было понятно, что его надо было пройти. В тот момент стала подниматься во весь рост политика двойных стандартов Запада. На решающем повороте нашей новейшей истории, в 1993 г., Запад единодушно поддержал расстрел парламента. Потом грянул 1996 г., когда за переизбрание Ельцина заплатили приватизацией стратегических добывающих отраслей промышленности. А затем - кризис 1998 г., когда команда МВФ, консультировавшая, если не направлявшая наши экономические реформы со времен Гайдара, самоустранилась от ответственности за допущенные ошибки, что окончательно развеяло иллюзии плавного вхождения России в миро-

вую рыночную экономику. Поняли, что заехали не туда с диким капитализмом, что демократия - не более чем инструмент, что Запад ведет двойную игру. И, тем не менее, продолжали идти по демократическому пути, пытаясь подстроиться к мировым трендам.

Автор: А как вы в контексте всех этих идей рассматривали задачи и возможности на Ближнем Востоке? Что мы, в частности, ждали от восстановления отношений с Израилем? Что мы реально получили?

П.В.Стегний: Во-первых, восстановление отношений с Израилем рассматривалось в либеральных кругах России как необходимая часть, может быть, даже символ поворота курса в направлении «общечеловеческих ценностей». Всей этой лабуды неолиберальной, с которой нам пришлось лет двадцать разбираться и понимать все-таки, где «мухи» и где «котлеты». Это был в определенной мере символический шаг.

После 1967 г., в период, когда у нас не было дипотношений, мы развернули на уровне государства очень серьезную антиссионистскую деятельность, был создан Антиссионистский комитет. Это была уже идейная конфронтация не просто с Израилем, а с выстроенной западной пирамидой, в которой основным компонентом базы были все-таки мировые финансы, а в них серьезно участвовали еврейские финансовые круги. Сюда же входили и средства массовой информации, в которых влияние евреев всегда было очень сильным.

А теперь мы как бы предлагали включить нас в то пространство, где делалась политика, принимались серьезные финансовые решения, то есть намеревались всплыть обратно в мировое сообщество.

Автор: Насколько мне известно, окружение Горбачева настойчиво убеждало его, что за сионистами и масонами стоит внушительная сила. Поэтому он заигрывал с ними, стремясь добиться признания со стороны США и Западной Европы.

Антиссионистская кампания

была свернута. Сионистам и масонам было разрешено открывать свои филиалы в СССР и затем - в России. Первая ложа Бнай Брит по личному распоряжению Горбачева была открыта в 1988 г. За ней последовали другие. ООН отменила известную резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 1975 г., в которой сионизм был признан одной из форм расизма и расовой дискриминации.

В июне 1992 г. лишенный всех постов М.С.Горбачев был принят на высшем уровне в Израиле. Мы рассчитывали на то, что таким путем будет открыт один из каналов, с помощью которого мы хотели стать частью Запада, одной из его составных частей, чтобы нас уважали, наши интересы учитывали, хотя мы сами не понимали тогда наши интересы.

Вы так трактуете эти события?

П.В.Стегний: Я думаю - да, мы о наших интересах имели достаточно смутные, совершенно советские представления: вот мы ссорились, теперь будем мириться. Мы полагали, что остаемся одним из двух естественных лидеров мирового сообщества, несмотря на решение о разукрупнении, рожденное в Беловежской пуще.

Автор: Но, может быть, через восстановление отношений с Израилем просматривалось стремление восстановить отношения с международной еврейской элитой? Так, чтобы она из нашего противника превратилась в нашего если не союзника, то партнера? Так было в конце 20-х годов прошлого века, так было во Второй мировой войне. Мы хотели их использовать, а они хотели использовать нас...

Это были наивные надежды?

П.В.Стегний: Наверное, такая точка зрения имеет право на существование. Но главное, в чем мы разочаровали Запад и наших израильских партнеров: мы не были склонны к торгу. От нас ждали уступок, а мы все-таки были в плену у идеи конвергенции. Мол, холодная война закончилась вничью, мы все выиграли от победы над «тоталитаризмом», над коммунистической идеологией.

Автор: Это набор слов, модный тогда...

П.В.Стегний: Это очень серьезные, глубокие идеи.

Но следующий этап, чтобы ясно была вообще моя позиция: с середины 90-х до начала нулевых - это были попытки приспособиться к жестким реалиям однополярного мира при лидерстве Америки.

Автор: Очень болезненный процесс.

П.В.Стегний: Да, поэтому начиная с нулевых, точнее, с мюнхенской речи Путина в 2007 г., наступила другая эпоха. Мы выступили за создание миропорядка нового качества, заложив в него идеи многополярного мира, широкого сотрудничества, исключения двойных стандартов...

Автор: Все это прекраснотупие. Ведь одно дело декларации и надежды, а другое дело - реалии.

П.В.Стегний: Если вернуться к началу 90-х...

Тогда мы поняли, что холодная война приводит к истощению наших экономических и финансовых возможностей. Военного решения нет в условиях паритета. Создаются некие новые правила игры, когда великие державы не могут, не имеют права войти в непосредственное столкновение.

Распространились войны через посредников. Это то, чем занимались и американцы, и мы на Ближнем Востоке в течение целой эпохи.

Но после 1991 г. мир формировался на основе двусмысленности, недоговоренностей. Недоговоренность в Беловежской Пуще, открытый вопрос относительно того, что произошло, почему случилась эта геополитическая катастрофа, почему распалась огромная страна так быстро? Что там главное: внешнее влияние, внутренние противоречия, пятая колонна?.. Это был период, когда Запад, в том числе Израиль, чтобы не антагонизировать нас, не говорил о своей победе в холодной войне.

В 1991 г. никакие вещи своими именами еще названы не были. Мы были пленниками Фрэнсиса Фукуямы, «конца истории»,

совместного перехода в новое качество человеческого общежития, противостояния общечеловеческим угрозам. Поэтому мы возвращались на Ближний Восток вот с такими настроениями.

Ожиданий от Государства Израиль особых у нас не было. Сам Израиль находился на тяжелом этапе перехода от романтического сионизма к суровому реализму.

Но мы достаточно быстро поняли, попав в Израиль, что эта страна на шахматной доске глобальной политики (тот образ, который любит использовать Бжезинский) - не король и не ферзь. Это фигура, я бы сказал, средней силы - слон или конь. Это ощущение у нас возникло на довольно раннем этапе восстановления наших отношений. Без учета такого понимания региональной и глобальной политики трудно понять дальнейшие повороты наших дел на Ближнем Востоке.

Автор: Безусловно, согласен. Это наша нынешняя позиция. Но тогда была преувеличенная оценка веса еврейской общины в мире и преувеличенная оценка силы и значения Израиля. Это было время Мадридской конференции, «последнего танго Горбачева», когда разваливающаяся страна пыжилась, становилась на цыпочки, чтобы изобразить из себя сверхдержаву.

Что дал в ответ Израиль? Ближневосточное урегулирование? Отнюдь нет.

Не была ли наша роль в этом процессе чисто декоративной? За исключением наших слов, инициатив, потом участия в «квартире», повторения нами правильных идей о том, что надо или не надо делать, было ли что-либо реальное?

П.В.Стегний: Коренным образом не согласен. Восстанавливая отношения с Израилем, мы, конечно, имели в виду не укрепление наших позиций, а некую их гармонизацию в рамках всех этих прекрасноречивых слов о «новом мышлении», о «новом качестве глобального человеческого общества». Я бы вот этот фактор выделил в качестве доминирующего. Мы рассчитывали на конвергенцию.

Автор: А наша роль на Мадридской конференции и после нее какая-нибудь была? Или мы были не нужны?

П.В.Стегний: Наша роль была ведущей и сравнимой с американской.

Автор: Вы, однако, уж слишком большой оптимист.

П.В.Стегний: Нет, я - реалист. Во всяком случае, в 1991 г. была логика Мадридской конференции. Это последнее, что сделал Горбачев. Это была схема совместного ко-спонсорства. Это была предельно серьезная попытка гармонизировать отношения в сложнейшем ключевом регионе мира. Мы работали честно и профессионально, но в начале 90-х гг. наш инструментарий становился все менее и менее эффективным. Начиналась компьютерная эпоха, а мы не были даже технически вооружены.

Но существовал уровень совершенно другого доверия между нами и американцами. Мы не были ведомыми, они не были ведущими. Но сам процесс показывал, что мы не дотягиваем до той советской роли полноценного государства. Мир становился безальтернативным. Только одна сверхдержава, один единственно возможный американский (западный) образ жизни, западная демократия с огромным количеством двойных стандартов. В мире исчезла левая альтернатива, которая ассоциировалась с нами. Это, конечно, сказывалось на конкретном выполнении нами функций дипломатов-ближневосточников.

Автор: Вы сами, в некоторой степени, себе противоречите. С одной стороны, вроде бы мы ко-спонсоры. Была какая-то степень доверия к нам американцев. А с другой стороны, есть реалии. Вы - высококвалифицированные и преданные своему государству дипломаты. Но у вас за спиной стояла разваливающаяся страна с деградирующей экономикой. Страна, которую рвали на части новые силы, хапали, гнали на Запад сотни миллиардов долларов, коррумпировали общество сверху донизу. Это же не могло не сказаться на вашей роли!

У нас был плохой инструментарий... Да причем тут инструментарий? У американцев мог быть плохой инструментарий - хотя он был хорошим, но за их спиной была мощь. А у вас что было за спиной? Тогда были для нас окаянные годы.

П.В.Стегний: Я думаю, что разница в восприятии 90-х у нас с вами кардинальная. Я был внутри процесса. А вы - человек, который наблюдал за процессами, стоял очень близко от них, но все-таки вне механизма принятия решения. У нас никогда не было в 90-е гг. ощущения катастрофы. Было много опорных точек, которые подпитывали наш энтузиазм.

Автор: Это были иллюзии.

П.В.Стегний: Очень хорошо быть умным и к тому же очень уверенным в своей правоте человеком, который прозрел через 25 лет, и ему кажется, что он прозрел уже на второй день после распада Советского Союза.

Автор: Я и тогда так говорил и писал. Приведу пример. Было совещание в МИДе. Козырев пел осанну Западу. Я выступил и сказал, что в Африке и на Ближнем Востоке у нас нет западных друзей и союзников, а есть конкуренты.

Козырев изрек: «Вот пример старого политического мышления».

Некоторые услужливые мидовцы на всякий случай перестали со мной здороваться.

П.В.Стегний: Я в отношении себя этого сказать не могу. Значительную часть 90-х гг., до 1996 г., у меня ощущения катастрофы не было. У меня было ощущение нарастающих трудностей. После того, как Козырева заменил Примаков, это усилило наш оптимизм, потому что Примакову мы верили абсолютно...

Автор: Вот это другое дело. У нас при изменении социальной и политической сути государства некоторые рычаги и шестеренки продолжали действовать. В МИДе, в армии, в разведке было много людей, для которых государственные интересы все-таки стояли на первом месте. Они и действовали в соответствии с этими убеждениями. Ваша пози-

ция именно в этом заключалась. Исключительно важная роль Примакова в этом заключалась. Он думал о государственных интересах, много делал и еще больше пытался делать.

Но за спиной у вас, у нас, у всех стояло разваливающееся государство, разваливающееся общество, преданное его элитой, для которой и Ближний Восток, и интересы России, в целом, стояли даже не на десятом месте.

В этом же трагедия ситуации тех времен! Трагедия и вас, которые участвовали в этом деле, и нас, которые стояли рядом, то есть ученых, которые как-то суетились, какие-то идеи выдвигали в интересах страны. А тем, у которых были реальные рычаги влияния и власти, было наплевать с высокого дерева на все эти устремления: ваши - наши - другие. Вы пытаетесь оправдать тем самым себя - не себя лично, а свое поколение.

П.В.Стегний: Я пытаюсь объяснить. Ощущения, что наверху были предатели, у нас никогда не было. У нас появилось ощущение большой настороженности и неведения в курс братания с Западом: его практически двойную-тройную-четверную игру мы видели в конкретных ситуациях на Ближнем Востоке. Но доводить вот это некомфортное психологическое состояние до мнения о каком-то предательстве - этого не было никогда. Даже такая характерная для этого времени фигура, как Козырев (если сложить все плюсы и минусы, которые он практически сотворил на мидовской стезе), все-таки эта фигура выходит на нейтральные оценки.

Автор: Потому что по иракской проблеме, по иранской проблеме, при всем своем желании отвергнуть прошлое, сделать приятное американцам, он вынужден был учитывать интересы своей страны. То есть Россия продолжала оставаться Россией и требовала каких-то действий.

П.В.Стегний: В МИДе мы считаем, что если бы не Козырев, то от МИДа осталась бы одна десятая часть. Он долго, униженно объяснял Ельцину, что потенциал профессионалов надо сохра-

нять. И я думаю, что вот это было главной задачей МИДа в тех, очень своеобразных, условиях.

РАЗНИЦА - В ГЛАГОЛАХ?

Автор: То есть была задача уцелеть? Как структуре?

П.В.Стегний: Нет!

Автор: Как и то, что сделал Примаков с разведкой? Уцелеть?

П.В.Стегний: Нет, вот разница принципиальнейшая - вы используете глагол «уцелеть», а я использую глагол «сохранить». Сохранить все, что у нас было наработано позитивного в советские времена, - то, что на каком-то этапе какие-то группы во власти пытались разрушить. Но они настолько не были уверены в себе, что все их решения были половинчатые, не доведены до конца, и потенциал МИДа сохранен благодаря Примакову, который решительно повернул курс и внешней политики и вообще наших внутренних самоощущений в другом направлении. Все это ему удалось сохранить, я думаю, в полной мере.

Автор: Я в смысловых оттенках глаголов не вижу особой разницы.

А вы можете сейчас вот эти группы «разрушителей» назвать? Или это у нас останется «за кадром», в отличие от того, что уже сказано в ранее опубликованной моей книге, где я смог немного раскопать взаимоотношения МИДа, Международного отдела ЦК, КГБ, некоторых министерств, военных? То есть можете дать какую-то объективную картину? Например, как развивалась история с нашими долгами странам Персидского Залива?

П.В.Стегний: Я думаю, об этом еще нельзя говорить, потому что...

Автор: Живы те люди?

П.В.Стегний: Не только. Я, в принципе, уважаю многих, которые стояли на самом верху. Я понимаю, что им приходилось идти на компромиссы, возможные сделки с совестью по несколько раз в день. Была кардинальная смена социально-экономической формации. И поскольку делали упор на частную инициативу,

здесь очень сложно провести грань: что было рационально, что было нерационально.

Сама операция - революция сверху... В ней уже такой потенциал и аморальности, и чего угодно, что, я думаю, сейчас мы еще не на том историческом расстоянии, чтобы давать оценки.

Кто-то в определенных ситуациях вел себя рационально, а в других вызывал вполне обоснованные подозрения относительно чистоты намерений. Когда мы входили в капитализм, появились такие совершенно новые для нас вещи, как «комиссионные», которые развращали госаппарат. Мы сейчас открыто говорим об «откатах», о проблеме этих «черных» денег. На Западе все это существует. В других формах, завернутых в целлофан, освященных вековой традицией.

Поэтому я не думаю, что мы сейчас здесь можем расставить все точки над «и».

Автор: Ладно. Кстати, Примаков в своей книге «Встречи на перекрестках» очень жестко и откровенно оценил ситуацию с коррупцией и рассказывал о своих попытках ограничить ее. Может быть, это было главной причиной, почему Ельцин так быстро отправил его в отставку.

ИГНОРИРОВАТЬ НЕЛЬЗЯ ВМЕШИВАТЬСЯ...

Что ж, пусть было так, как обрисовали мои собеседники. Пусть отношения с США и Западом доминировали во внешнеполитическом мышлении и деятельности российского руководства. Пусть официально приоритетом пользовались отношения с СНГ, хотя со временем здесь обнаружатся и успехи, и очевидные провалы.

Пусть Ближний и Средний Восток как бы не интересовал в начале 90-х российское руководство, но его значение в мире и конфликтогенный потенциал подталкивали Россию сначала к ограниченному, а потом и несколько большему участию в делах региона.

Правда, обстановка внутри России не способствовала ее престижу в странах региона. Му-

сультманскому менталитету чуждо покаяние за прошлые грехи. Самобичевание, отрицание прошлого, очернение всего, что было сделано Советским Союзом, воспринималось как идеологический стриптиз. Для левых и антизападных националистических сил региона это означало крушение их собственных принципов и надежд. А для разнокалиберной элиты стран, даже стоявших по разную сторону баррикад в холодной войне, означало горькую необходимость принять в качестве безусловного гегемона Соединенные Штаты.

Хаотизация региона открывала возможности для все большего, хотя и ограниченного, присутствия здесь России. Но в Москве понимали, что и в 90-е, и в нулевые годы США оставались гегемоном на Ближнем и Среднем Востоке, хотя и существовали ограничители их безраздельного влияния.

«Все, что там (на Ближнем Востоке. - А.В.) происходит, для нас важно, - говорил заместитель министра иностранных дел РФ В.Посувалюк главному редактору «Монд дипломатик» А.Грешу. - Действительно, мы сейчас слабы, и наши финансовые ресурсы ограничены. Мы не можем больше выдавать неограниченные кредиты нашим союзникам. Мы не имеем мандата от российского народа поставлять бесконечное количество вооружения. Но у нас есть ряд преимуществ»⁵.

Одно из этих преимуществ заключалось в том, что Россия больше не была связана идеологическими рамками 80-х гг. Ее также не считали дестабилизирующим фактором, т.к. она не проповедовала революцию и атеизм. Поэтому, пусть и в ограниченных масштабах, Россия выстраивала сеть сотрудничества со всеми странами региона - от Саудовской Аравии до Египта, включая Израиль.

Еще один фактор - мусульманский - становился все более важным при формировании российской политики в регионе. События на Ближнем и Среднем Востоке, в Персидском заливе оказывали воздействие на саму

Россию (особенно на Северный Кавказ - на Чечню, Ингушетию и Дагестан) и на государства Центральной Азии. Как заявил А.Грешу один из специалистов: «Мы считали, что можем покинуть Центральную Азию во имя наших интересов, но мы вынуждены во имя этих же самых интересов возвращаться, потому что конфликты, которые там развиваются, требуют нашего внимания»⁶.

Развитие политического исламизма на Северном Кавказе, особенно в его экстремистских формах, воспринималось многими в Москве как «угроза», особенно при некомпетентности тех, кто принимал решения или выступал в роли политологов. Во всяком случае, «ваххабитами» порой называли даже шиитов, не говоря о тех суннитах, которые отвергали коррумпированную часть тарикатистов (суфиев). Поддержка сепаратистов фондами и оружием отдельными саудовскими и турецкими организациями отравляла атмосферу отношений между Москвой и Эр-Риядом и Анкарой.

Но одновременно шло «нормальное» развитие связей российских мусульман с их религиозными братьями в регионе.

«Как развиваются отношения вашего муфтията с его партнерами в Саудовской Аравии?» - задавал автор вопрос председателю Совета муфтиев России шейху Р.И.Гайнутдину* в своем интервью с ним⁷.

Р.И.Гайнутдин: «Ас-саляму алейкум ва рахматуллахи ва баракатуху! (*Мир вам, милость Всевышнего и Его благословение!*) Как известно, религию ислама в город Дербент (Дагестан) принесли еще сподвижники Пророка Му-

хаммада (мир ему!). Уже в VIII в. ислам был широко распространен в Поволжье. В течение долгих столетий тюркские народы Поволжья и Урала являлись самыми северными народами, исповедующими ислам, но, несмотря на свою географическую отдаленность, они никогда не теряли духовной связи с благословенными землями Хиджаза.

Мы гордимся тем, что в 1926 г. российский муфтий Разаэтдин Фахретдин во главе делегации мусульманских улемов СССР на Всемирном исламском конгрессе в Мекке был избран первым вице-президентом конгресса, возглавляемого отцом-основателем Королевства Саудовская Аравия королем Ибн Саудом. Именно благодаря усилиям советской дипломатии, в лице первого полномочного представителя Советской России в арабских странах Керима Хакимова, внёсшего значительный вклад в установление добрых отношений между молодой Советской Республикой и Хиджазом, наша страна первой в мире признала молодое государство, которое сегодня именуется Королевством Саудовская Аравия.

Автор: Далее был многолетний перерыв.

Р.И.Гайнутдин: Ввиду известных исторических реалий взаимоотношения наших народов на протяжении многих десятилетий были фактически заморожены. Но в начале 1990-х гг. российскому народу вернули религиозные свободы. Совет муфтиев России и Духовное управление мусульман Европейской части России являются учредителями двух высших исламских учебных заведений - Московского исламского университета и Российского исламского университета в Казани.

Автор: Расскажите о хадже российских мусульман в исторической перспективе, и какова его специфика?

Р.И.Гайнутдин: Испокон веков последователи ислама, проживающие на территории России, не считаясь с расстояниями, трудностями и большими расходами, спешили совершить хадж, душевно очиститься и заслужить

* Гайнутдинов Равиль Исмагилович (шейх Гайнутдин) (род. 25 августа 1959 г.) - председатель президиума Духовного управления мусульман Европейской части России, председатель Совета муфтиев России, один из инициаторов расширения исторической Московской соборной мечети. Член Общественной палаты РФ. Действительный член Всемирной ассамблеи по сближению исламских мазхабов. Профессор Московского исламского университета, Международной славянской академии, Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации.

особый статус паломника - «хаджи». Вольно или невольно они способствовали сближению нашего Отечества с народами и государствами Ближнего Востока - арабским миром. К концу XIX в. количество российских мусульман, совершивших хадж, насчитывало от 2 до более 5 тыс. в год, а к началу XX столетия их было уже более 10 тыс. Исследователи темы хаджа считают, что за все время существования коммунистического строя - это более 70 лет - совершить хадж смогли всего около 900 паломников. Наиболее известен хадж 1945 г., ознаменовавший победу советского народа в Великой Отечественной войне и первый после запретов с конца 1920-х гг. После распада Советского Союза количество хаджи возросло многократно. Так, с 1990-х по 2000-е гг. их число увеличивалось в геометрической прогрессии - от 1500 до 10 000 в год.

Между арабским миром и российскими мусульманами тысячи километров расстояний, мы живем в весьма различных климатических и общественно-политических условиях, но нас объединяет наша религия и ее нравственные постулаты. В религии ислам - величайшая милость Всевышнего, поскольку она обладает потенциалом объединять людей, наводить мосты между странами, континентами, цивилизациями. В развитии наших отношений мы должны придерживаться коранического призыва «Держитесь за вервь Аллаха и не разъединяйтесь!». В особенности это должно проявляться в подходах к воспитанию молодого поколения мусульман. Мы должны воспитать мусульманскую молодежь в соответствии с принципами благочестия, человеколюбия, справедливости и законопослушности. Мусульманин XXI в. должен быть человеком мира и созидания!»

Продолжу тему, затронутую Р.И.Гайнутдином. В 1990 г. был принят закон о свободе совести, благодаря которому можно было создавать религиозные организации, строить мечети и медресе, публиковать религиозную литературу. Религия - как христиан-

ская, так и мусульманская - частично заполняла идеологический вакуум, образовавшийся после крушения коммунистической идеологии.

С чувствами своих мусульманских сограждан (примерно 17 млн) российское руководство должно было считаться. Опасность состояла в том, что в средствах массовой информации стали крепнуть антиисламские настроения. События в Алжире, Египте, Боснии, донесенные через СМИ, появление «отечественных» исламских экстремистов подпитывали антимусульманские чувства среди русского населения, хотя они и не стали массовыми.

В Вашингтоне после 1991 г. решили, что события в регионе должны развиваться в соответствии с американским пониманием стратегических задач, которые требовали подчинения ему внешнеполитического и внутривнутриполитического курса стран региона. Эйфория от победы в холодной войне, готовность российской дипломатии следовать в конфликтных ситуациях курсом Вашингтона, казалось бы, позволяли просто игнорировать Россию в ближневосточных делах. Россия же, в отличие от СССР, не могла и не хотела воспользоваться американскими ошибками, «игра с нулевым результатом» просто не велась.

Общая обстановка на Ближнем и Среднем Востоке складывалась вроде бы благоприятно для США. Разгромленный Ирак практически выбыл из игры, позиции аравийских нефтяных государств и дружественного Вашингтону Египта укрепились, в палестинском движении сопротивления усилилась внутренняя борьба, а поддержка Ясиром Арафатом агрессии Саддама Хусейна в Кувейте ослабила международные позиции ООП. Вырос авторитет США и НАТО при усилении в нем ведущей роли США.

Военная мощь, продемонстрированная США, показала, что они, преодолев «вьетнамский синдром», перешли к новым формам и методам войны, к новым вооружениям и информатизации

боевых действий. Никто как будто бы не мог ничего противопоставить этой силе. Военная сила сочеталась с «мягкой», а именно - информационной, экономической, образовательной, культурной. Казалось, что ни одно решение не могло быть принято без согласия Вашингтона или без учета его интересов.

Однако динамика внутренних событий развивалась по своим законам, часто вопреки интересам США. Появились новые конфликты и центры силы. В регионе так и не сложился «Рах Americana». Иран бросил вызов США и противопоставил им свои собственные интересы - военные, экономические, технологические, религиозные. Диктатор Саддам Хусейн по-прежнему правил в Ираке. Ливия и Сирия, по терминологии Вашингтона, оставались «государствами-изгоями». Терроризм из союзника США в Афганистане превратился в их глобального противника. Именно в 90-е годы сложились руководство «Аль-Каиды» и ее международные структуры.

Революционные изменения, охватившие вооруженные силы и способы ведения войны, имели свои ограничения. Оказалось, что с помощью войны и применения силы нельзя решать региональные и глобальные проблемы и определять внутреннее устройство государств, в отношении которых США выступали в качестве «победителя». В нулевые годы XXI в. станет очевидно, что ни одна из войн, развязанных США, не привела к стабильности и появлению политических систем, которые соответствовали бы их мессианским идеям.

Россия не могла и не хотела воспользоваться в своих интересах многочисленными ошибками Вашингтона в регионе. Упор после нескольких лет «раскачки» стали делать на двусторонние отношения, в которых экономическая составляющая была главной. При этом на Россию играли и растущий антиамериканизм масс, и заинтересованность арабских лидеров в России хотя бы для символического противовеса США.

«Игре с нулевым результатом» действительно пришел конец. Российские дипломаты стали говорить о «двойном выигрыше» (win-win), что подразумевало положительные результаты как для США, так и для России.

Но в Вашингтоне были глухи к призывам действовать вместе. Россия на Ближнем и Среднем Востоке им была не нужна. Правда, формальное ко-спонсорство в Мадридской конференции давало надежду именно на «двойной выигрыш», т.е. на совместное участие в урегулировании «матери всех конфликтов» - ближневосточного.

МАДРИДСКИЙ ПРОЦЕСС И ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА «МАТЕРИ ВСЕХ КОНФЛИКТОВ»

Мадридская конференция, точнее - «мадридский процесс» (при формальном ко-спонсорстве США и СССР/России), ни шатко ни валко тянулась несколько лет. С технической точки зрения, встреча распалась на группы, обсуждавшие двусторонние проблемы, и на другие, связанные с «многосторонкой». Ожидать прорыва в ближневосточном урегулировании или хотя бы какого-то продвижения вперед было нереально. С точки зрения израильского руководства, единственным решением было бы принятие арабскими странами их требований, т.е. согласие на израильские условия. В момент открытия конференции во главе израильского правительства стоял Исхак Шамир, фанатичный сторонник идеи «Великого Израиля».

Смена правительства в Тель-Авиве, казалось, не отразилась на главных израильских требованиях. Разве Израиль не обладал военной мощью, которой арабы ничего не могли противопоставить? Разве у него не было покровителя и стратегического партнера в лице США, единственной сверхдержавы? Разве у арабов, противостоящих ему, не исчез их потенциальный или некогда реальный покровитель - Советский Союз, а на его месте осталась обессилен-

ная Россия, которая фактически уходила с Ближнего Востока?

Единственным перспективным партнером для диалога и переговоров должны были быть палестинцы в лице ООП. Но эта организация по-прежнему считалась в Израиле «террористической». Да и для ООП прямые переговоры с израильтянами в то время означали неприемлемую уступку. Хотя палестинцы из состава иордано-палестинской делегации вели переговоры, согласовывая каждый свой шаг с руководством ООП, но технически они представляли только самих себя и не имели полномочий подписывать какие-либо соглашения.

Было ясно, что новое российское руководство просто не интересовалось ни ближневосточным урегулированием, ни другими делами в регионе. Министр иностранных дел А.Козырев публично отвергал все наработанное советское наследие, отнюдь не только в отношении Ближнего Востока, и предлагал своим дипломатам просто следовать курсом Вашингтона.

Это отношение становилось контрпродуктивным и потому, что в американской администрации просто не знали, что делать дальше, какова конечная цель «мадридского процесса». Правда, для Вашингтона Израиль оставался и главным американским союзником в регионе, и существенным игроком на поле политической борьбы внутри США, особенно накануне президентских выборов 1992 г. Вашингтон хотел бы добиться всеобщего урегулирования, мирных решений с целью сохранения своего доминирования в регионе, но взаимные требования арабов и Израиля тогда были непримиримыми.

С одной стороны, ближневосточный конфликт в западной политологии, а затем и в российской, был назван «асимметричным»: слишком неравными были силы и возможности Израиля и ООП, формально признанной большей частью мирового сообщества «законным представителем арабского народа Палестины». Но, с другой стороны, нужно

было как-то определять судьбу нескольких миллионов палестинцев. Просто депортировать их было некуда и невозможно физически, как с точки зрения мирового сообщества, арабских стран, так и самих США. Максимум, на что согласилось бы израильское руководство, - создание полуавтономной палестинской муниципальной администрации, а главные вопросы - судьба Иерусалима, создание палестинского государства, его границы, судьба беженцев - просто зависали.

Но все же ООП и израильское руководство, какие бы партии они ни возглавляли, начинали хотя бы видеть друг в друге стороны прямых переговоров. «Мадридский процесс» помогал им лучше понять позиции друг друга и выработать формулировку «территории в обмен на мир». Параллельно с «мадридским процессом» с января 1993 г. они тайно ото всех, без всплеск юпитеров, с помощью норвежских ученых и дипломатов организовали встречи в Осло. В России о них знали, но ни в какой форме не участвовали.

В мае 1992 г., после выборов в Израиле, к власти на основе шаткой коалиции пришла Партия труда во главе с Ицхаком Рабином. Ему нужен был успех, хотя бы и чисто символический. Переговоры в Осло продолжились с января по август 1993 г.

В сентябре 1993 г. премьер-министр Израиля Ицхак Рabin и председатель ООП Ясир Арафат пожали друг другу руки на лужайке перед Белым домом в Вашингтоне. Многочисленные контакты двух сторон, и открытые, и тайные, подготовили этот символический жест. СССР/Россия была причастна лишь к созданию соответствующей атмосферы, но не сыграла роли в этой встрече.

Подписанная сторонами - министром иностранных дел Израйля Ш.Пересом и членом исполкома ООП М.Аббасом - Декларация принципов предусматривала выборы на Западном берегу и в Газе, вывод израильских войск с части оккупированных территорий, начало переговоров о постоянном статусе Западного берега и

сектора Газа. Эти переговоры должны были длиться два года. Постоянный статус - Иерусалим, беженцы, израильские поселения, границы, меры безопасности - предполагалось определить по истечении еще трех лет.

Перед подписанием Декларации были сделаны отнюдь не симметричные уступки. И.Рабин в своем послании Я.Арафату просто признавал ООП представителем палестинского народа, а Я.Арафат в своем послании признавал право Израиля на существование, резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и 348, давал обязательства отменить соответствующие статьи Национальной хартии, в которых отвергалось само право Израиля на существование.

Возможность вернуться на палестинские территории была для ООП слишком соблазнительной. Сами палестинцы, как автор смог убедиться, будучи наблюдателем на выборах Палестинского законодательного совета в 1996 г., связывали с этим радужные надежды. Но главные вопросы окончательного статуса были отложены больше чем на два десятилетия и не были решены и в 2015 г., т.е. спустя более 20 лет.

Отношения Израиля и Иордании были урегулированы при участии американцев. Король Хусейн как стратегически мыслящий лидер небольшого государства понял, что с Западным берегом и Восточным Иерусалимом нужно распрощаться. В июле 1994 г. в Вашингтоне в присутствии президента США Клинтона он подписал мирное соглашение с премьер-министром Израиля Рабином, прекратив состояние войны между двумя странами. Мирный договор был официально подписан 26 октября того же года.

После убийства израильским правым экстремистом И.Рабиной, а затем прихода к власти в 1996 г. правого лидера Биньямина Нетаньяху процесс переговоров был заморожен. «Освоение» оккупированных территорий и строительство все новых поселений продолжалось. В сочетании с израильскими репрессиями все это вызвало усиление исламистской

организации ХАМАС и крайнего крыла ФАТХа.

Роль России в этом процессе оставалась маргинальной, если и проявлялась вообще. Некоторое вовлечение нашей страны в ближневосточное урегулирование связано с именем Е.Примакова. Убежден, что в значительной части это была его личная инициатива. Но когда такая личность оказалась во главе российского МИДа (в январе 1996 г.), это стало политикой России. В марте 1996 г. президент РФ Б.Ельцин даже участвовал в международной встрече в египетском Шарм-эль-Шейхе и предложил оживить «мадридский процесс».

Новая роль Е.Примакова не вызвала, мягко говоря, восторга в Вашингтоне. Ричард Перл, один из идеологов неоконсерватизма, сторонник вторжения в Ирак и, по мнению многих в Москве, убежденный русофоб, писал: «Примаков вернул нас ко дням прежнего Громыко. Он является человеком, который до сих пор отвергает тот факт, что Советский Союз проиграл холодную войну. Мы должны дать понять Кремлю, что его назначение министром иностранных дел является шагом назад»⁸. Стоило России проявить чуть-чуть самостоятельности, как американские комментаторы стали говорить о возвращении к холодной войне.

Слишком свежи, с точки зрения американской администрации, были воспоминания об активности Е.Примакова во время кувейтского кризиса. Тогда он не жалел усилий, чтобы политическими средствами добиться ухода войск Саддама Хусейна из Кувейта - это мешало осуществлению задач Вашингтона, направленных на победоносную войну против Ирака, чего США и добились.

В качестве министра иностранных дел Е.Примаков трижды в 1996-1997 гг. посетил Ближний Восток. Он встречался не только с арабскими, но и с израильскими лидерами. Тогда глава Партии труда Ш.Перес в лоб говорил высокопоставленному представителю России: «Нам нужен только один посредник. Им являются

США». Позиция, озвученная Примаковым, - следование формуле Мадридской конференции «территории в обмен на мир» и создание палестинского государства - никакого энтузиазма у израильского руководства не вызывала.

Однако идеи Примакова об активизации сирийского трека на переговорах прозвучали неожиданно и в Вашингтоне, и в Тель-Авиве и вызвали интерес. Ведь если сирийский режим самостоятельно не мог добиться даже двустороннего урегулирования, то помешать успеху Израиля на переговорах с палестинцами он, несомненно, мог. По предложению Примакова, можно было поэтапно разрулить требования Сирии вернуть оккупированные Голанские высоты. Его идеи были шире и охватывали создание системы безопасности в регионе при сотрудничестве с США. Они не были реализованы⁹.

Победивший на выборах 1996 г. Б.Нетаньяху, противник договоренностей, достигнутых в «процессе Осло», тем не менее, на словах проявлял большую гибкость и соглашался с возможным участием России в ближневосточном урегулировании. Он нанес визит в Москву. Это позволяло российской дипломатии обозначить какую-то свою роль в регионе. Но ее реальное внимание было в тот период далеко от Ближнего Востока, в частности, на Балканах.

Я.Арафат посещал Москву в 1997-м, 1998-м и 2000-м гг., а несколько израильских высокопоставленных деятелей также побывали в российской столице. Были созданы российско-израильский и российско-палестинский комитеты на уровне заместителей министров иностранных дел. В 1996-1999 гг. состоялось 5 заседаний. Эти заседания проясняли позиции, но не обозначали движения вперед.

Тем временем американская дипломатия действовала активно и на сцене, и за кулисами. 14 декабря 1998 г. в присутствии президента США Клинтона на территории Газы Национальный совет Палестины проголосовал за

отмену соответствующих статей Национальной хартии о непризнании права Израиля на существование, непризнании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 о разделе Палестины на два государства, о сионизме как орудии империализма и т.д.

Получив это решение, Б.Нетаньяху немедленно выдвинул новые требования и приостановил выполнение прежних обязательств. Проведенные в мае 1999 г. досрочные выборы привели к власти лидера Партии труда Эхуда Барака, который попытался при американском посредничестве реанимировать переговоры с палестинцами. Встречи в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 г. при участии Клинтона не дали результата, хотя израильтяне считали, что они пошли на уступки.

26 сентября 2000 г. началась новая интифада, спровоцированная визитом А.Шарона на Храмовую гору, - попытки палестинцев прибегнуть к вооруженным действиям и другим насильственным методам против Израиля, основанным на индивидуальном терроре и несотрудничестве. А.Шарон победил на новых выборах в феврале 2001 г.

Президент Клинтон в декабре 2000 г. предложил свой план урегулирования, который давал палестинцам немало прав и по территориальному вопросу, и по статусу Иерусалима, и по решению проблемы беженцев. Премьер-министр Израиля Эхуд Барак 25 декабря того же года заявил, что принимает этот план, если палестинцы сделают то же самое. Но Я.Арафат отверг его под давлением и собственных экстремистов, и ряда арабских государств. Более выгодных предложений палестинцам никогда уже не последовало, хотя в случае их возможного согласия на «план Клинтона» ловушек на пути его выполнения было слишком много, чтобы считать его реалистичным¹⁰.

БЫЛИ СЛОВА. БЫЛА «КРАСНАЯ ЛИНИЯ»

Автор не видит весомой роли России в процессе ближневосточного урегулирования. Но некото-

рые наши дипломаты - П.В.Стегний среди них - с ним категорически не согласны¹¹.

П.В.Стегний: «Завершили мы советский период мадридской формулой «мир в обмен на землю». Параллельно через некоторое время начались израильско-палестинские встречи в Осло. Неработающие структуры не уничтожались, но рядом с ними возникали работающие уже на основе других реалий. Нагляднейший пример - появление «Семерки», потом на какое-то время «Восьмерки», потом «Двадцатки» наряду с действующей Организацией Объединенных Наций.

Примерно то же самое происходило и на Ближнем Востоке. Продолжал действовать механизм Мадридской конференции, но сбоку, в Норвегии, появились эти вот каналы - они ассоциировались, я думаю, совершенно не напрасно с левыми, то есть с маргинальной частью израильского общества, но вышли потом на очень серьезные договоренности. Они сильно приблизили друг к другу израильскую и палестинскую позиции, и все это завершилось очень креативной работой Клинтона на рубеже веков. В этот период и вплоть до наступления эпохи Нетаньяху, второго пришествия Нетаньяху, в Израиле связывали нашу роль в ближневосточном урегулировании с «многосторонкой», с тем, что мы сыграем решающую роль в запуске процесса нормализации отношений Израиля с арабским миром. И я это слышал неоднократно от очень серьезных людей.

Автор: Это было приятно слышать. Но это были слова...

П.В.Стегний: Это не были просто слова. Мы рассматривали серьезные схемы, проводили в Москве совещания по подготовке «многосторонки». Это было понимание, не всегда попадавшее на страницы газет, но присутствовавшее в профессиональной работе совершенно серьезно.

Но вот последующие сбои трудно объяснимы. Их не объяснили и опубликованные впоследствии мемуары. Я очень надеюсь, что Эхуд Барак что-то напишет, уйдя из политики.

Израиль вполне мог обеспечить себе международно признанные границы, пойти на создание палестинского государства, фактически демилитаризованного, сохранить свое присутствие на границе с Иорданией, символически решить проблему возвращения беженцев. Тогда у израильской элиты была определенная концепция. Восточный Иерусалим придется отдавать палестинцам.

Автор: Восточный или несколько каких-то районов?

П.В.Стегний: Несколько районов, конечно. Но начиная от Старого города. Проблема Старого города и Храмовой горы, конечно, была нерешаемой. Она пукала под откос все попытки договориться. Это был совершенно стержневой вопрос, что бы об этом ни говорили. Потому что у израильтян, чем они отличаются от всех остальных, нация и религия - одно и то же, это два элемента, которые неразрывно связаны.

Автор: У американских евреев такого нет. Там есть и те, и другие.

П.В.Стегний: Там сложные процессы».

Учитывая, что ближневосточное урегулирование (БВУ) осталось замороженным в нулевые и в десятые годы XXI в., забежим несколько вперед, оценивая израильско-палестинские отношения. В феврале 2001 г. А.Шарон стал премьер-министром и начал жесткие действия для подавления палестинского восстания. Они привели к некоторым израильским успехам, но толкнули значительную часть палестинцев в сторону экстремизма, личного терроризма. Ненависть с обеих сторон была взаимной и зашкаливала.

«Процесс Осло» завершился кровопролитием, и потребовались новые методы для контактов. В мае-июне 2002 г. США совместно с Россией, ООН и Европейским Союзом создали т.н. «квартет» - четверку посредников в деле ближневосточного урегулирования и приняли «Дорожную карту», разработанную, в основном, американцами. Конечным пунктом движения было

обозначено создание палестинского государства без определения его рамок, границ и полномочий.

Автор уточнил тогдашнюю позицию России по БВУ лично у Е.М.Примакова¹²:

«Вопросами БВУ вы, конечно, владеете лучше, чем кто бы то ни был. Можно ли сказать, что мы фактически не могли оказывать воздействие на процесс, у нас рычагов уже не было?»

Е.М.Примаков: Вы имеете в виду какой период?

Автор: Да любой. И 90-е гг., и первое десятилетие этого века, и даже последние годы. Ну, есть «Дорожная карта». Ну, есть эта «четверка». Но нас отсекали от воздействия на процесс и сами израильтяне, и американцы.

Е.М.Примаков: Конечно, реально рычаги были в руках американцев. Если бы они заставили Израиль пойти на компромисс, потому что арабы на серьезный компромисс пошли, был бы результат. Но американцы не переступали определенной «красной линии».

...Израильское руководство тем временем действовало по своей логике. Оно решило само отделиться от палестинцев, уйдя из анклава Газы и нескольких поселений на Западном берегу и построив разделительную стену между израильтянами и палестинцами на Западном берегу.

В июне 2004 г. израильский кабинет одобрил план премьер-министра Шарона об уходе из Газы, эвакуации оттуда 8 тыс. поселенцев, а также эвакуации четырех поселений на севере Западного берега. Это и было сделано, несмотря на сопротивление даже сторонников Шарона в правом политическом секторе.

Политику «одностороннего отделения» продолжал премьер-министр Ольмерт. Эта политика показывала, что израильское руководство отказывалось от задачи «переварить» все оккупированные в 1967 г. территории вместе с их арабским населением. Но строительство израильских поселений в районах, которые израильтяне не собирались отдавать,

продолжалось, что сделало невозможным для палестинцев участие в переговорах, превращавшихся в фарс.

П.В.Стегний¹³: «Был шанс на некую гармонизацию всех подходов к проблемам Ближнего Востока. Он не был реализован исключительно по вине Израиля и тех могущественных глобальных структур, которые ему покровительствуют. Огромное количество ошибок было сделано и палестинцами - неподписание предложенных Клинтоном документов в 2000 г. и дальше в 2001 г. А ведь Ольмерт на посту премьер-министра предлагал по нынешним понятиям идеальный вариант решения всех четырех базисных проблем ближневосточного урегулирования. Переговоры в Осло уже закончились. Это уже были переговоры Ольмерта с Махмудом Аббасом в 2009 г. Но какие-то свои импульсы процесс в Осло дал. Это было и «разъединение» Шарона на Западном берегу, и уход из сектора Газы. Это дало шансы. А они опять не были использованы.

Я спрашивал и у Махмуда Аббаса, и у многих других палестинских деятелей: почему вы это сделали? Каждый раз, когда вы не подписывали то, что вам предлагали американцы, а с ними и мировое сообщество, каждый последующий вариант был хуже. И было ясно, что и после него будет худший вариант. Вы несколько раз об это споткнулись. При Ольмерте речь шла всего о 5-6% территорий, которые вы отдавали без адекватной компенсации. Я сам видел карту своими глазами».

* * *

Забегая в нашем повествовании вперед, отметим, что США, увлеченные задачей «распространить демократию», что якобы должно решить все проблемы региона, выдвинули план ее внедрения в арабских странах «Большого Ближнего и Среднего Востока» и позднее - «Нового Ближнего и Среднего Востока». К чему это могло привести, показала в 2006 г. победа радикального движения ХАМАС на демократичес-

ких выборах на палестинских территориях, включая сектор Газа. Это обещало еще более серьезное поражение «демократизации» в годы «арабской весны» (другое наименование «арабской весны»).

Об этом - позднее. Отметим лишь, что сама организация ХАМАС была создана в 1987 г. не без поощрения израильских спецслужб, ставивших задачу подорвать доминирующую роль ФАТХа и ООП.

Коррупция в традиционном руководстве ООП, отсутствие прогресса на переговорах, кровопролитие в рамках интифады - все это способствовало успеху ХАМАС. Но, установив контроль над Газой, члены ХАМАС несколько раз производили обстрелы территории Израиля минами и ракетами, что вызывало непропорционально жесткие ответные действия армии Израиля.

(Окончание следует)

¹ Интервью с Е.М.Примаковым, январь 2014 г.

² Цит. по: Иванов И. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2001, с. 4. (Ivanov I. 2001. Novaya rossiyskaya diplomatiya... M.) (in Russian)

³ Интервью с И.С.Ивановым, сентябрь 2014 г.

⁴ Интервью с П.В.Стегнием, сентябрь 2014 г.

⁵ Alain Gresh. Russia's Return to the Middle East. Journal of Palestine Studies. Vol. 28, No. 1 (Autumn, 1998), p. 70.

⁶ Ibid., p. 76.

⁷ Интервью с председателем Совета муфтиев России Равилем Гайнутдином, июнь 2013 г.

⁸ Alain Gresh. Op. cit., p. 68.

⁹ См. подробнее: Звягельская И. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М., ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014, с. 176-177. (Zvyagelskaya I. 2014. Blizhnevostochnyi klinch... M.) (in Russian)

¹⁰ Там же, с. 177.

¹¹ Интервью с П.В.Стегнием...

¹² Интервью с Е.М.Примаковым...

¹³ Интервью с П.В.Стегнием...